

Формы национальной идентичности и неоформленность инаковости (О понятии национальной самобытности в произведениях Яна Коллара и Даниэля Бержени)

ИШТВАН БЕРЕШИ

VÖRÖS István, Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Szlav Intézet, Pilisecsaba, Egyetem u.1, H-2081

Abstract: At the turn of the 18th and 19th centuries the small nations began to identify themselves on the grounds of their native language. The Czech, Slovak and Hungarian languages, however, were not prepared for this task. Therefore, the small nations wishing to identify themselves in this new way, tried to solve some of the problems simply by skipping them. This resulted in creation of myths, in a Romantic understanding of the notion *nation*. An appropriate example for this are the works of Berzsenyi (1776–1836) and Kollár (1783–1852). At the background of their considerable poetic oeuvre we find the same Romantic interpretation of the *nation*. Their exaggerations are similar even if they had their own separate way in literature. It would be interesting to know what they would have said to each other, if they had met, let's say, in 1830 in Pest-Buda. Both of them found a classical poetic form for the expression of the new idea still in the process of formation: Berzsenyi the classical stanza structure, Kollár the sonnet. The ideas of freedom and nation can appear in a poem only in words and symbols, according to the rules of the language. Both poets wanted to awaken their nation from a „state of sleeping”. They wanted to use the words „I” and „you” interchangeably. At the end of their career both of them were taken with some pseudo-scientific ideas. They tried to prove the originality and European significance of their culture and nation.

Keywords: Berzsenyi, Ján Kollár, Romantic interpretation, freedom, nation, stanza, sonnet

Памяти Владимира Мацуры

В XIX в. главным признаком самоопределения какой-либо национальной культуры и национальной литературы считался признак отличия, т.е. сознание своей инаковости, благодаря которому данная национальная культура или литература приобретала самобытность и занимала свое особое место среди других национальных культур. При этом решающим был признак самостоятельности. Однако эта самостоятельность не была и не могла быть в первую очередь самостоятельностью духовного менталитета, ведь как наследие культуры предыдущих эпох — эпохи средневековья или барокко, культура которых носила сверхнациональный характер, — а позже, как наследие идеи Гёте о мировой литературе и культурном универсализме — возникла закономерность межнационального культурного общения, неограничиваемого ни языковыми, ни национально-культурными преградами¹. Законо-

¹ «Формирование духовного менталитета и словесной культуры сегодняшней Центральной Европы во времена эпох средневековья, возрождения, барокко и классицизма

мерным было также явление многоязычности в среде лучших представителей национальных культур. В то же самое время естественным образом возникала пропасть, разделяющая мир, воздвигнутый культурой, от мира повседневной жизни и разграничивающая языки культуры от языка повседневной действительности. Приведем наглядный пример в своей яркости для иллюстрации этой культурной ситуации. Так, Спиноза, проводивший свое юношество в Амстердаме в 1630–40-е гг., владел следующими языками: в кругу семьи говорили на португальском языке, в сефардской общине литературным языком был испанский язык, в качестве языка обиходного общения пользовались голландским языком, в годы учения Спиноза овладевает сначала ивритом, а затем и латинским языком².

На рубеже XVIII–XIX вв. в силу усиливающихся демократических тенденций возник вопрос о необходимости сближения языка общенародного употребления и языка культуры. Однако состояние языков обиходного общения не всегда было подходящим для осуществления подобного намерения. Не были готовы к такому сближению ни чешский, ни словацкий, ни венгерский языки общенародного употребления. „*Stav národa, jehož nejpřednější synové v osvíceném století, kdy si počínaly ideje Komenského dobývat půdy, podávali výtěžky svého badání jen jazyky cizími, byl zajisté ve vážném nebezpečí*“³ — утверждает Ян Якубец. И все-таки основным средством формирования национального самоопределения и самым явным знаком национальной самобытности явился национальный язык. Роберт Б. Пинсент пишет: „...díky Herderovi a Fichtemu byl do koncepce národa ke konci XVIII století a v XIX století v Evropě většinou zahrnout i jazyk“⁴. Противоречия функциональных различий между языком культуры и обиходным языком, т.е. различий, возникших из степени развития этих языков на данном этапе языковой культуры, в каждой национальной среде в большинстве случаев решались попыткой скачкообразного преодоления существующей и требующей заполнения пропасти, которая возникла между миром культуры и миром повседневной жизни. (Субстанция заполняемого его собственной субстанцией). Таковой формой субстанции явилось мифотворчество, т.е. рождение мифа о национальной самобытности, как понятия нации⁵.

происходило полностью под влиянием западноевропейских идейных течений и стилевых направлений» (*TÓZSER Árpád, A nem létező tárgy tanulmányozása. Pozsony 1999, 35*).

² Ср.: *Theun DE VRIES, Spinoza. Budapest 1987, 12–49*.

³ «Нация, лучшие сыны которой в век просвещения, открывая путь для идей Комменского, оглашали результаты своих достижений в области науки и культуры всё же на иностранном языке, находилась в состоянии кризиса» (*Jan JAKUBEC, Dějiny literatury české II. Praha 1993, 134*).

⁴ «Благодаря Гердеру и Фихте к концу XVIII — началу XIX вв. в большей части Европы в концепцию о национальной самобытности входит и язык» (*Robert B. PYNSENT, Mýtus Slovanství: Pavel Josef Šafařík a Jan Kollár. В его кн.: Pátrání po identitě. Praha 1996, 68*).

⁵ «Pro mýtus je příznačný ovšem i silný sakrální prvek. Už sama představa zrodu české

Идея о национальной самобытности, обличенная в тогдашнюю форму национализма, не переходила в наступление против другой нации. Джон Пламенац различает два типа национализма: восточный и западный⁶. Западный тип (возникший у итальянцев и немцев) носит либеральный характер, так как намерение образца английского и французского либерализма итальянцам и немцам представляется возможным. Восточный же национализм нельзя назвать либеральным: этот тип национализма является своеобразной реакцией на ситуацию гораздо большей отдаленности от образцовых типов европейского национализма. Пинсент относит либерализм Коллара к западному типу⁷. Подобный характер носит отношение венгерского поэта Даниэля Бержени (1776–1836) к вопросу, глубоко волнующему в ту эпоху многие лучшие умы, — вопросу о национальной самобытности⁸.

XIX век для Средне-Восточной Европы — это период пробуждения национального самосознания и мысли, попытка обрести свою культурно-национальную самобытность и самостоятельность, что было неразрывно связано с движением за утверждение и развитие национального языка. Это явилось общей тенденцией, характерной для всех народов Средне-Восточной Европы и направленной именно на подчеркивание своей инаковости. В данной, небольшой по объему статье нам хотелось бы осветить характер этой странной двойственности, коснувшись при этом взглядов двух поэтов, занимающих похожую позицию в истории литературы. Взвешивая на весах времени признаки сходства и различия национальных культур, мы ставим перед собой целью показать, что идея о национальной самобытности первоначально возникла не как средство для национальной самозамкнутости, а именно как стремление занять открытую, готовую к диалогу позицию по отношению к другим культурам. Приближаясь к концу XX в., который вопреки утверждениям десятилетней давности так и не достиг своего конца в 1989 г., и вероятно, в духовном смысле даже в XIX в. окажется еще не в состоянии уступить место новым чаяниям грядущего столетия, мы хотели бы сделать попытку по-новому взглянуть на двух поэтов XIX в., явившихся основоположниками венгерской и славянской (чешской и словацкой) национальных литератур. Было бы слишком категорично заявить об их сходстве в крайних своих проявлениях; художественное творчество каждого из них глубоко своеобразно и не-

kultury je obalována mytickou představou „vzkříšení“, „znovurození“, které je zrušením smrti a obrácením k novému životu» (*Vladimír MACURA, Znamení zrodu. Praha 1995, 80*).

⁶ John PLAMENATZ, Two Types of Nationalism. В кн.: Eugene Kamenka (ed.), Nationalism, The nature and Evolution of an Idea. London 1976, 23–24.

⁷ «Šafařík a Kollár se snažili být nacionalistou západního typu»: Там же, 69.

⁸ «Народ создается не чем иным, как своими обычаями, и следовать обычаям великих наций — значит, приобрести возможность стать великой нацией. Разумные обычаи формируют нравственные устои, которые, в свою очередь, предоставляют возможность для развития гражданского общества» (Из письма Даниэля Бержени к графу Иштвану Сечени. В кн.: *BERZSENYI Dániel összes művei. Budapest 1978, 507*).

повторимо. Это несомненно так, однако вопрос о возможности их сопоставления гораздо сложнее. Исторический контекст в ретроспективном освещении всегда переосмысливается. Рассматривать художественное творчество и личность двух поэтов на основе их темпоральной смежности, устанавливая их при этом в один ценностный ряд, так же представляется проблематичным. Замечания исследователя славянских литератур Иштвана Фрида о связях венгерской и словацкой литератур в эпоху, на столетие более позднюю, чем рассматриваемая нами, остаются актуальны и для данной параллели: «тогда стоило бы говорить не только о том, что какую именно — сходную — функцию выполнял венгерский и словацкий поэт на рубеже столетий, а как раз наоборот: интерес заключается в раскрытии их различий»⁹.

Какую же роль играют творчество и личность Даниэля Бержени и Яна Коллара в истории их отечественных литератур? Нельзя безоговорочно назвать этих двух поэтов современниками, ведь между их деятельностью существует временное расстояние в одно поколение¹⁰, но каждый на своем месте и в контексте данной историческо-культурной ситуации занимает приблизительно одно и то же место¹¹. Они облачают в художественно-словесную форму — в классическую форму — только что распускающую свой цвет национальную мысль. Знаменательно, что в конце своего творческого пути оба поэта, преодолев эту классическую форму, окажутся в плену различных квази-научных фантазирования¹². Однако, что представляла собой художественно-словесная

⁹ FRIED István, Az összehasonlító irodalomtudomány problémái. Különös tekintettel a magyar–szlovák komparatiztikára. В его кн.: Irodalomtörténetek Kelet-Közép-Európában. Budapest 1999, 60.

¹⁰ Коллар (1793–1852) родился на 20 лет позже, чем Бержени (1776–1836), но они могли встретиться, скажем в 1830–31 г., когда Бержени в связи с вопросом о своем членстве в Академии, неоднократно бывал в городе Пешт-Буда, и даже планировал переселиться сюда из Шомодя. Вполне реально, что Бержени, будучи как и Коллар, евангелистом, слушал проводимую Колларом на немецком языке службу в церкви на площади Török (Deák tér сегодня). Могло ли это случиться? На улице Серб Бержени столкнулся с Михаем Витковичем, но Михай Виткович был также венгерским поэтом. У Коллара и Бержени вряд ли нашлось бы, что сказать друг другу. Но наша задача заключается в домысливании того невысказанного в несуществовавших отношениях этих двух личностей.

¹¹ Можно провести многочисленные параллели между венгерской, чешской, словацкой и польской культурами. Легко также устанавливается прямая связь между отдельными поэтами, литературными произведениями. Начало *A Zalán futása* созвучно началу „*Slávy dreci* в *Előhang*: «Слёзы льются из моих глаз: эта земля, земля нашего народа/ была когда-то его колыбелью, а сегодня это великое кладбище» (Перевод на венгерский Золтана Майтени, в кн.: ZÁDOR András (ed.): Cseresznyevirágok balladája. Szlovák költők antológiája. Kosmosz Könyvek, Budapest 1986. 62). И все-таки, что касается классики и романтики, позиций, занятых между направленностью к национальной самобытности и отказом от нее, параллель Коллар–Бержени также представляется рассматриваемой под знаком единовременной разновременности. (Как и с иной точки зрения Вёрёш-марти сближается скорее с Махавалом.)

¹² Возможно, что именно в этой области более всего неоспорима параллель между двумя поэтами. Они оба с глубочайшей серьезностью отдались этимологическому

форма и стихотворная культура, применяемая ими? В поэзии Бержени это классическая строфа, а у Коллара — это форма сонета, к тому же в духе проведенной Домбровским реформы стиха.

«За дискуссиями о художественной форме всегда скрывается различие между идеологическими воззрениями» — пишет Дьёрдь Бреттер — «Метрическая форма стихосложения у Бержени заключала в себе возможность перехода к новой системе поэтического языка: вместо определяемой структурой предложений мысли — мысль, которая, выходя за пределы отдельных синтаксических единиц, пробивается сквозь нагромождение предложений. (...) Бержени создает в синтаксических нагромождениях такую внутреннюю артикуляцию, которая, устанавливая определенную связь между частями предложения, не позволяет обратить идейный замысел художественного произведения в направлении внешних целей»¹³.

Таким образом, замысел произведения обращен к его внутренним целям. Поэт как бы воплощает свою творческую свободу в рамках стихотворной формы, замыкаясь в ней, преобразовывая саму эту форму и заполняя ее закрытое пространство новым ритмом. Даже мысль о свободе может воплотиться замкнутая в системе словесных образов, регулируемая строгими правилами звучания. Идея о национальной самобытности тоже могла воплотиться только в этом словесном обрамлении. У Д. Бержени данная идея облекается в следующую словесно-художественную форму:

Ébreszd fel alvó nemzeti lelkedet!
[...] Nem sokaság, hanem
Lélek s szabad nép tesz csuda dolgokat.
Ez tette Rómát föld urává,
Ez Marathont s Budavárt híressé¹⁴.

А в сонете 63 Я. Коллара нашла такое выражение:

толкованию слов, пробуя определить самобытную сущность венгерского, а также славянского языка, и соответственно, культуры: «венгерский язык — корень и родитель всех языков мира; ведь исходя из собственного очевидного опыта, я могу утверждать, что названия самых общеупотребительных природных явлений и предметов не только в родственных венгерскому южных восточных языках, но в считающихся совершенно чуждыми европейскими языках обычно производимы из корня венгерских слов» (BERZSENYI D., A magyar nyelv eredetiségéről. In: Berzsenyi Dániel összes művei, 580). Подобные мысли высказывает и Коллар: «Славянский исследователь древних памятников в Италии повсюду наталкивался на обломки, осколки и другие всевозможные останки исчезнувшего языка и формы жизни. В самом начале вся Италия находилась во власти славянского народа. Само собой разумеется, что славяне были здесь первыми» (Staro-italie Slavjanská: Souvislosti 1995/2 (Slované) 192).

¹³ BRETTER György, Gondolatok Berzsenyiről. В его кн.: A felörlődés logikája. Budapest 1998, 148–149.

¹⁴ «Пробуди, народ, свою душу от сна глубокого! / Ведь лишь силой духа и свободю славные дела творимы. / Так стал властелином Рим, / И так прославились Маратон и Будавар» (A magyarokhoz. BERZSENYI Dániel összes művei, 72).

Nechcí zlata, nápoje a jídla,
titulů a korun žádati,
češ-li mi však čeho dopřáti,
Slávo, matko milá! dej mi křídla¹⁵.

В обоих отрывках звучит призыв к пробуждению самосознания нации. Перед нами вырисовывается образ народа, дух которого охвачен глубоким сном. Однако здесь художественное развитие этого образа не выливается в создание жуткого образа гибели нации, как это стало характерным для художников-романтиков более поздней эпохи. Словесное воплощение художественного видения о нации, погруженной в глубоких сон, у обоих поэтов — Даниэля Бержени и Яна Коллара — представлено как художественными средствами классицизма, так и романтизма. Оба поэта, создавая этот образ, одинаково стремятся к художественному воплощению в рамках строгой стихотворной формы мысли о невозможности достижения свободы народа без веры в свое будущее, в силу разума и обретения крепости духа.

Однако это утверждение таит в себе противоречие. В самые возвышенные моменты своего творческого порыва художественное слово поэтов преодолевает форму и при этом приобретает самостоятельное звучание, выходящее за пределы этой формы. Проглядываемый за строгой формой лик поэтов подобен лику рыцаря, выступающему за опущенным шлемом. Двойственность собственных стремлений вполне могла бы оказаться для них губительной, если бы, выражаясь фигурально, они приподняли свой шлем. И венгерский и словацкий поэты хотели бы, чтобы в их произведениях одновременно заговорили *мы* и *вы*, *я* и *ты*. И лишь сопоставляя устанавливаемые нами в параллель жизненные и творческие пути этих поэтов можно взглянуть на них с высоты нашего времени, и несмотря на то, что два национальных поэта никогда не видели друг друга, нам становится понятным, что между ними могла бы возникнуть тесная духовная связь, ведь взор обоих был устремлен в одном направлении. Словацкий поэт, жизнь которого прошла в городе Пешт, где он всегда оставался представителем национального меньшинства, и венгерский поэт, которому вопреки его стремлениям так и не удалось переселиться в этот город. Словацкий поэт, который писал по-чешски, и венгр, задунайский диалект которого был причиной неприятия и непонимания со стороны Юнгмана своей эпохи и новаторского движения в области языка этой эпохи, Ференца Казинци (1759–1831). Законы тождественности меняются, и лишь в различиях мы опознаем друг друга.

¹⁵ «Не желаю ни высоких званий, ни золота/ не нужны мне ни трон, ни пиршества, / единственно, о чем прошу Славию-матушку: надели меня могучими крыльями!»